

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ В 11 ГОРОДАХ

Пол КАРТЛЕДЖ

ОТ МИКЕН ДО ВИЗАНТИЯ

Пол Картледж
История Древней Греции в 11 городах
Серия «Страницы истории (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6995516

Пол Картледж. История Древней Греции в 11 городах: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-080229-6

Оригинал: PaulCartledge, "Ancient Greece: A History in Eleven Cities"

Перевод:

Е. А. Семенова

Антон Викторович Короленков

Аннотация

Афины, Спарта, Милет, Сиракузы, а также другие греческие полисы...

Через историю 11 крупнейших городов-государств, рассеянных по трем континентам, автор показывает нам всю историю великой Эллады в ее политическом, культурном, экономическом и военном многообразии.

Содержание

Предисловие	5
Благодарности	6
Греческие денежные единицы и меры длины	7
I. Деньги	7
II. Меры длины	8
Введение	9
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	17
Часть вторая	22
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пол Картледж

История Древней Греции в 11 городах

Посвящается сотрудникам правления Фонда А. Дж. Левентиса

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Пол Картледж – один из ведущих мировых специалистов по истории Древней Греции, преподаватель Кембриджского университета.

Предисловие

Нелегко в рамках небольшой книги хоть в какой-то мере воздать должное Древней Греции, которая представляла собой смешанную цивилизацию или культуру примерно 1000 городов отдельных и зачастую чрезвычайно своеобразных политических образований в различные моменты античной истории, к тому же разбросанных на пространстве от Южной Испании до черноморского побережья нынешней Грузии. (Музей «Фитцвильям» в Кембридже в 2008 г. предоставил свои залы для выставки исключительно изысканных предметов преимущественно греческого изготовления, обнаруженных во время раскопок в Вани (Грузия), соединенной с организованной самим музеем выставкой монет со всего Средиземноморья.)

Для удобства читателя я включил в книгу аннотированный именной указатель, словарь терминов, хронологическую таблицу, а также пояснения по поводу написания греческих слов и имен, греческих денежных единиц и мер длины. Однако я должен также привлечь внимание читателей к «Кембриджской иллюстрированной истории Древней Греции». Как и в нашей книге, в ней сочетаются тематический и хронологический подходы, рассмотрены вопросы развития общества, экономики, религии, культуры наряду с политической, военной и дипломатической историей, но формат ее в отличие от предлагаемой книги совершенно не годится для того, чтобы ее можно было возить с собой в кармане и читать в поезде, автобусе или самолете. Я надеюсь, что она окажется полезной для читателей этой книги – как и для меня, когда я писал ее.

Благодарности

Я бы хотел поблагодарить моих коллег по работе над «Кембриджской историей Древней Греции»: Сью Элкок (ныне работает в Брауновском университете), Ника Фишера (университет Уэльса, Кардифф), Мэрилин Кац (Уэслианский университет), Эдит Хэлл (ныне работает в Королевском университете Холлоуэй, Лондон), Карима Арафата (Лондонский королевский колледж), Кэтрин Морган (ныне директор Британской школы в Афинах), Лесли Дин-Джонса (Техасский университет, Остин) и Ричарда Бакстона (университет Бристоля); а также других коллег и друзей, живущих в Европе (особенно в Греции), Африке, Америке – как Северной, так и Южной, – Австралии и Японии, которые так или иначе способствовали созданию предлагаемой работы. Не имея возможности назвать всех поименно, ибо их слишком много, особо упомяну все же еще двоих: Роберта Гарланда (Колгейтский университет) и Полли Лоу (Манчестерский университет), которые в чрезвычайно короткие сроки прочитали и со знанием дела прокомментировали текст на завершающей стадии. Не могу также забыть и «анонимного читателя» в издательстве, который избавил меня от серьезных трудностей. Если бы не их доброжелательность и дружеская поддержка, эта книга увидела бы свет в куда менее доработанном виде, нежели получилось в итоге. Кроме того, я счастлив писать в то время, когда изучение Древней Греции переживает значительный подъем и (это не менее важно) когда писать для более широкой аудитории, нежели несколько специалистов, является скорее приятным долгом, чем обязанностью.

В том же контексте борьбы за выход к широкому читателю мне оказали высокую честь, обеспечив мое постоянное пребывание в профессорской должности на классическом факультете Кембриджского университета в рамках программы «A. G. Leventis Professorship of Greek Culture» (решение вступило в силу с 1 октября 2008 г.). Эта книга является одним из первых результатов сего благотворительного акта, и она посвящена, в духе неизъяснимой *kharis*¹, уполномоченным Фонда Левентиса.

¹ Услуга, милость, зд. – расположение (др.-греч.).

Греческие денежные единицы и меры длины

I. Деньги

6 обол = 1 драхма

2 драхмы = 1 статер (дословно «весы»)

100 драхм = 1 мина (или мна) [слово вавилонского происхождения]

60 мин = 1 талант (слово того же происхождения)

Заметим, во-первых, что ценность монет, чеканившихся с конца VII в. до н.э. из электрума, золота, серебра или бронзы, зависела от их веса и что разные города пользовались разными весовыми стандартами, часто их устанавливали другие города. Во-вторых, хотя и невозможно напрямую переводить вес/стоимость античных денег в современные валютные эквиваленты, полезно знать, что среднесуточная оплата труда ремесленника в V и IV вв. до н.э. колебалась от 1 до 2,5 драхм и что было установлено примерное равенство между суточной ставкой оплаты труда ремесленника и жалованьем, которое выдавалось гражданам в демократических Афинах за участие в работе народного собрания в 390–320 гг. до н.э. Ежедневная стоимость жизни для семьи из четырех человек в Афинах V в. до н.э. колебалась от 2,5 до 6 обол. Третье: в конце VI в. до н.э. произошли небольшие изменения: монеты мельче серебряных обол стали чеканиться монетными дворами, в том числе таких городов, как Колофон, Эгина, Менд и Абдера; они могли использоваться при оплате за керамические изделия, внесении требуемых законом штрафов и как вступительные взносы для членов культовых сообществ при совершении религиозных обрядов. Куда менее ценные бронзовые монеты в большом количестве не чеканились до конца V в. до н.э. К этому времени выпуск золотой монеты греческими городами являлся признаком критического положения – в отличие от Персидской державы, где это было обычным делом, представляя собой мощное средство как в дипломатии, так и в торговле.

Введение

Полис представляет собой греческий вариант города-государства, и сеть более чем из 1000 полисов образовала крупнейшую культуру городов-государств в мировой истории, как в географическом, так и в демографическом отношении.

Моргенс Херман Хансен. Полис

Главная задача этой небольшой книги (бревиария, а не эпитомы) – дать удобочитаемое введение в сложную, многообразную и изменчивую историю древнегреческой цивилизации, возбуждающее как можно больший интерес к ней, но безо всякого упрощения и сюсюканья. Я рассматриваю греческую историю и цивилизацию в широком этническом и хронологическом контексте, со времен первых свидетельств об использовании греческого языка ок. 1400 г. до н.э. в Кноссе до основания Византийской империи (постантичной, как я покажу в этой книге), центром которой являлся Константинополь (бывший Византий), примерно в 330 г.

Чтобы воссоздать в рамках небольшой книги столь огромный мир, простиравшийся от Черного моря до Испании и просуществовавший столь долгое время, я сосредоточил свое внимание на одиннадцати крупных греческих городах, чья история позволяет с разных сторон осветить то, что представляется мне наиболее важными и содержательными сторонами греческой тематики: политику, торговлю, путешествия, рабство, отношения полов, религию, философию, историографию и среди прочего – роль выдающихся личностей. В ходе повествования я буду также обращать внимание на то, как реконструируется история Древней Греции, то есть на природу доступных свидетельств, современных и не современных событиям, письменных и прочих, и т.д.; и как профессиональные ученые и другие авторы используют, могут или должны наилучшим образом использовать эти свидетельства.

Если бы меня попросили дополнительно уточнить определение «Древняя Греция», то я бы рассматривал ее как цивилизацию городов. Слово «цивилизация» восходит к латинскому *civitas*, «общество»³, от которого также происходит английское слово «город» (*city*). Однако не римляне первыми начали развивать городскую цивилизацию, «урбанизацию» (*citification*) культуры. Им предшествовали в этом греки наряду с этрусками в Италии и финикийцами из нынешнего Ливана. В самом деле, при более широком понимании термина «город» первые следы цивилизации в урбанистическом смысле можно обнаружить еще в III или даже IV тысячелетии до н.э., в цивилизации Междуречья в Верхней и Нижней Месопотамии (современный Ирак). Однако здесь я хотел бы уточнить, что понятие «город» обладает количественным и качественным содержанием, подразумевая собой тип самоуправляющегося геополитического пространства, сочетающего в себе город и село в рамках динамического симбиоза.

Сегодня, если исходить из более или менее принятого определения термина «город», в них проживает более половины населения земного шара. И впрямь, некоторые мегаполисы – Токио, Нью-Йорк – имеют внутренний валовой продукт, подобный по своим масштабам ВВП целых стран (Испании, Канады)... В том греческом мире, который я имею в виду, ситуация была совершенно иной. Не менее 90 процентов населения постоянно проживало именно в сельской местности, противопоставленной тому, что можно считать городом. Можно сказать и наоборот: отнюдь не все греки обязательно жили в городах. Даже в весьма урбанизированных Афинах большинство афинян в конце V в. до н.э., как сообщает Фуки-

³ Точнее, сообщество граждан, полисная община. Существовал и другой термин для обозначения общества – *societas*, от которого берет начало английское *society*. – *Примеч. пер.*

дид, обитали в деревне⁴. Тем не менее – и это объясняет мое решение рассмотреть историю Греции на примере одиннадцати городов – типичный, определяющий способ социального сосуществования греков в течение четырнадцати столетий или что-то около того, которые освещаются здесь, был тем, что сами греки называли *polis*. Как гласит знаменитое определение в аристотелевской «Политике» (то есть «Дела, касающиеся полиса»), человек – человечество – «животное политическое», в строгом смысле живого организма, самой природой приуроченного для того, чтобы реализовывать свой потенциал в рамках (и только в рамках!) политической структуры полиса.

В сущности, «полис» – одно из самых употребительных у древних греков существительных, занимающее 39-е место в списке наиболее часто встречающихся 2000 греческих слов. Оно опережает в этом смысле такие существительные, как *anér* («мужчина» в гендерном смысле) и *theos* («бог»). Можно указать не менее четырех его значений, из которых два – «город» (понимаемый как пространство в центре города) и «государство» – являются наиболее важными для нас. В контексте нашего разговора стоит учесть, что, хотя большинство населения проживало скорее в маленьких городах или деревнях (на территории хоры, или сельской местности), нежели в крупных городских центрах, мужчины из числа свободных, активная творческая часть эллинства, являлись полноправными членами политических сообществ, также называвшихся полисами, что лучше всего перевести на наш язык как «государство граждан». И именно в крупных урбанистических центрах, городах в более узком политическом смысле, это коллективное самоуправление нашло наиболее яркое воплощение. Именно в таком смысле греческий полис являлся тем, что дало жизнь слову «политика» и родственным ему, и это была та черта греческой цивилизации, которая породила понятия «аристократия», «олигархия», «тирания» и – последнее по порядку, но не по значимости – «демократия», которая стала одной из распространенных и устойчивых особенностей Древней Греции.

Важно с самого начала четко усвоить, что в древности и в помине не было ничего подобного национальному государству под названием «Греция», но только, как мы увидим, сеть греческих городов и другого рода поселений, связанных чувством общей культуры, наиболее ярко выражавшегося, как мы сегодня сказали бы, религиозными средствами. Геродот, первый из тех, кто может по праву называться историком, вложил в уста афинского оратора следующее определение эллинства, адресованное к спартанцам, союзникам Афин, в критический момент решительного противостояния между греками и «варварами» (то есть негреками) персами зимой 480/79 г. до н.э.:

«...наше кровное и языковое родство с другими эллинами, общие святилища богов, жертвоприношения на празднествах и одинаковый образ жизни, предать все это – позор для афинян»⁵.

Это рассуждение придумал Геродот, и оно подразумевает осознанное единение, которое крайне редко можно было наблюдать в политике в отличие от культурной жизни. Красноречивое отсутствие ссылок на какое-либо единство в этом впечатляющем определении панэллинской (общегреческой) идентичности говорит само за себя. И впрямь показательно, что речь шла именно об отсутствии национального государства или, если использовать позитивное суждение, в высшей степени индивидуалистической природе греческого полиса, которая придала эллинской цивилизации ее неповторимый характер. Почему различные гре-

⁴ Речь, конечно, идет не о самих Афинах, а об Аттике, центром которой они являлись. – *Примеч. пер.*

⁵ Геродот. История. VIII. 144. Пер. Г.А. Стратановского. В английском переводе А. Первиса, который цитирует автор, сказано «не пристало афинянам быть предателями греческого народа», однако в тексте подлинника слова «греческого народа» отсутствуют. – *Примеч. пер.*

ческие полисы возникали или создавались, и чем они отличались от более ранних городов, будет подробнее рассмотрено в последующих главах.

В любое время второй половины I тыс. до н.э. и первых трех веков н.э. существовало примерно 1000 или около того отдельных организмов которое можно назвать словом «полис». Мы знаем и можем утверждать это с уверенностью благодаря десятилетним исследованиям Копенгагенского центра по изучению полиса под руководством неподражаемого Моргенса Хермана Хансена. Выбор именно одиннадцати городов из этой тысячи обусловлен решением Радаманта (сын Зевса и Европы, брат Миноса: см. первую главу). Свою роль сыграли различные факторы и мотивы. Я хотел включить островной город – или город на греческом острове, или город, который являлся единственным полисом на греческом острове. Рассказом о Кноссе я покончил с Критом. Хотел рассмотреть наиболее крупные районы центра эгейской Греции или сердцевины Эллады: соответственно я выбрал три города с «острова Пелопса», или Пелопоннеса (Микены, Аргос и Спарта), два – из центра Эллады (Афины и Фивы), один из «Восточной Греции», то есть западного побережья Анатолии, или, как ее еще называют, Малой Азии (Милет), и один, являвшийся мостом между Западом и Востоком, евразийский город Византий (позднее Константинополь, ныне Стамбул). Кроме того, очень важно, чтобы оказалась должным образом представлена греческая «колониальная» диаспора – поэтому выбор пал на Массалию, современный Марсель (основан жителями малоазийского города), Сиракузы (основаны жителями пелопоннесского города) и Византий (основан жителями города из Центральной Греции); в сущности, они были не собственно колониями в нашем смысле (греческое «апойкия» дословно означает «дом из дома»), однако такая терминология уже стала общепринятой. Наконец, я хотел представить новый, пост-классический эллинистический мир, созданный в результате завоеваний Александра Великого и прославленный в конце XIX и начале XX столетия моим любимым новогреческим поэтом К. П. Кавафисом – какой выбор мог быть лучше, нежели в пользу родного города самого Кавафиса – Александрии Египетской, основанной доподлинно самим Александром (чего нельзя сказать о других Александриях)?

Конечно, я вынужден огорчить читателя: почему ничего не сказано ни об одном из городов материковой Греции к северу от Фив (Абдера – родина Протагора и Демокрита, например)? Или Причерноморья – скажем, Ольвии? Или Северной Африки к западу от Александрии (очевидный кандидат – Кирена)? Почему не другие города Пелопоннеса – Коринф, Мессена или Мегалополис? Список можно продолжить, и в каждом случае у меня были свои причины, чтобы исключить тот или иной город, прежде всего недостаток добротных или по крайней мере еще и освещающих достаточно продолжительный отрезок времени современных событиям аутентичных свидетельств. Но по крайней мере один из названных только что городов существует до сих пор⁶, как и основанная им колония Сиракузы. И я хотел бы надеяться восполнить хотя бы некоторые из этих вынужденных пробелов и умолчаний другими стимулирующими способами.

⁶ Имеется в виду Коринф. – *Примеч. пер.*

Часть первая

Предыстория

Глава 1

Кносс

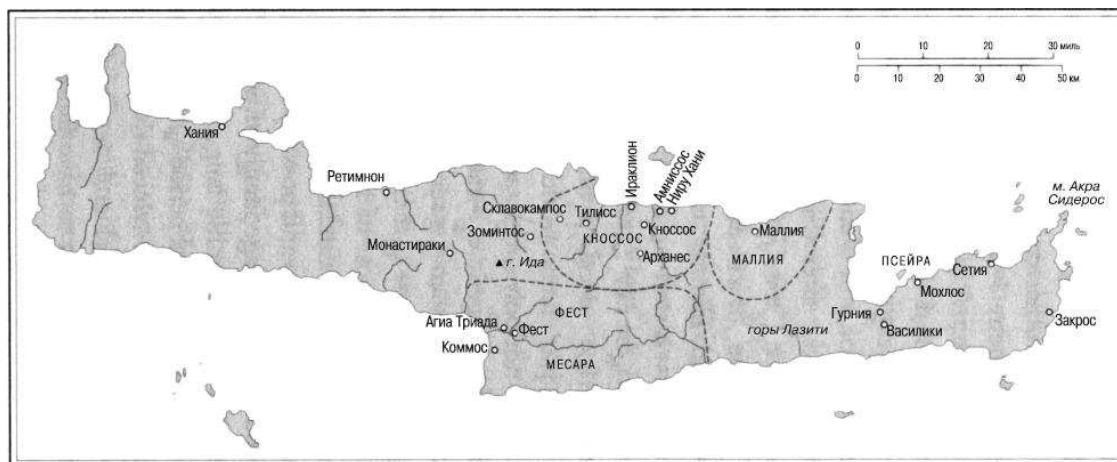
*И каждый раз все идут, и идут,
И идут корабли из Кносса.*

Д. Г. Лоуренс. Греки идут

В 2008 г. Общественный благотворительный фонд Александра С. Онассиса организовал как всегда роскошную и познавательную выставку в своей штаб-квартире в деловом районе Манхэттена. Организаторы назвали ее «Первая дворцовая цивилизация Европы: Миноийский Крит, 3000-1100 гг. до н.э.». Более 200 объектов на экране приковывали к себе внимание аудитории – фрагменты настенной росписи, великолепные ювелирные изделия и статуэтки из различных металлов, сосуды и подношения для церемоний, каменные печати, керамика, инструменты, следы приготовления пищи, таблички с надписями. Что же касается последних, то именно 3000-4000 табличек с силлабическим «линейным письмом Б», найденных в кносском дворце и датированных ок. 1400 г. до н.э., обеспечили городу Кноссу выигрышную позицию в начале нашего рассказа о греческих городах. В 1952 г. архитектор и дешифровщик Майкл Вентрис, которому серьезно помогал эллинист из Кембриджского университета Джон Чедвик, объявил изумленному миру, что «линейное письмо Б», непохожее на своего предшественника, до сих пор не расшифрованное «линейное письмо А», является наиболее ранней формой греческого языка (а не, например, этрусского, до сих пор не прочитанного)⁷. Тем самым Вентрис и Чедвик продлили более чем на тысячелетие историю этого языка и позволили совершенно по-новому осмыслить то, что, с точки зрения историков, является последним этапом греческой праистории, который на языке археологов называется поздним бронзовым веком.

Почти столь же волнующее впечатление производило название выставки – организаторы с истинно греческой тягой к «знаменитым первым» широковещательно обозначили эпоху раннего, среднего и позднего бронзового века на Крите как «первую дворцовую цивилизацию Европы». Действительно, Крит – остров, чья особенность во многом состоит именно в том, что он не принадлежит в географическом отношении к европейскому континенту, но лежит примерно на равном расстоянии между Южной Грецией и Северной Африкой, и через него проходили торговые и миграционные пути из Восточного Средиземноморья (современный Ближний, или Средний Восток) в Грецию, Египет и более отдаленные края на западе. Кроме того, флора и фауна острова отражают его положение между тремя континентами – Европой, Азией и Африкой, в результате чего он представляет собой один из наиболее привлекательных из всех сопредельных греческих областей для современных туристов.

⁷ Это не совсем так – хотя этрусское письмо не расшифровано полностью, однако значительная часть выполненных на нем надписей уже поддается прочтению целиком или частично. – *Примеч. пер.*

Карта №2. Крит бронзового века (*Scientific American. Спецальный выпуск 'Ancient Cities' 1994. P. 48*)

То, что бронзовый век на Крите был эпохой «дворцовой» цивилизации, сомнений не вызывает, хотя первые дворцы – в Кноссе и четырех других центрах, растянувшихся по линии в 160 километров поперек острова (это третий по величине остров Средиземноморья после Кипра и Сицилии) – возникли скорее около 2000-го, нежели 3000 г. до н.э. Но то, что эта цивилизация действительно греческая, доказали только Вентрис и Чедвик более полувека спустя после того, как сэр Артур Эванс (1851–1941), начавший раскопки в Кноссе, назвал ее минойской в честь критского царя Миноса из греческих легенд значительно более позднего времени. Геродот, заслуживший титул первого историка в мире, очень сомневался, существовал ли Минос на самом деле, поскольку тот не принадлежал к «так называемому поколению людей», противопоставлявшемуся дочеловеческому миру мифов и легенд. Однако Эванс был не только чрезвычайно богатым человеком и целеустремленным и энергичным археологом, но также и одаренным публицистом, и его слово «минойский» стало служить для гуманизации и эллинизации культуры, которая была не только догреческой по своим корням, но большую часть времени своего существования также и негреческой. Ибо «линейное письмо А», какой бы язык оно ни передавало, принадлежало явно не к индоевропейской языковой семье, к которой относится и греческий, а к семитской. Наиболее поздние греческие историки – Геродот здесь главное исключение – не сомневались ни в том, что легендарный эпоним Минос был исторической личностью, ни в том, что он был греком. В самом деле считали, что он выступил в столь характерной для ранних правителей роли законодателя. Это до некоторой степени походило на правду, поскольку исторический Крит⁸, знаменитый своими ста городами (в действительности их было гораздо меньше), славился числом созданных там законов и их творцов – здесь прежде всего упоминается критский город Гортина (см. ниже). Однако сегодня нам следует проявлять большую осторожность, прежде чем смело принимать мнение Эванса, как и древних греков, о том, что Минос, протогреческий аналог вполне реального вавилонского законодателя Хаммурапи (начало XVIII в. до н.э.), действительно существовал.

Для нас Минос представляет интерес прежде всего потому, что является героем одного из самых плодотворных и обретших долгую жизнь изобретений греческого интеллекта – мифа. Это правда, что некоторые мифы (греческое слово *mythoi* в целом означает «повествование», в данном случае фольклорно-эпическое) могли содержать в себе историческое

⁸ Под историческим периодом автор понимает не период государственности, как это имеет место в отечественной науке, а период, обеспеченный источниками, где более или менее связно и достоверно излагается история соответствующего государства. – *Примеч. пер.*

зерно, скрытое где-то в глубине тех времен, когда они зародились. Однако не из-за отношения к историческим фактам народные сказки становятся мифами и выполняют разнообразные функции – объясняют сотворение и устройство мира или легитимируют политическую власть, например, – мифам присущие. Практические функции мифов обычно намного весомее, нежели точное соответствие исторической истине (очень незначительное или вообще нулевое). Таким образом, хотя составители греческого хронографа, известного под названием Паросского мрамора (написан в 260-х гг. до н.э. на камне, найденном на Паросе – острове, входящем в состав Кикладского архипелага), включили правление Миноса в список дат греческой истории между (по нашему летосчислению) 1582 и 264/3 гг. до н.э., нам куда лучше придерживаться скептического взгляда Геродота, о котором говорилось выше, и рассматривать Миноса (плод похищения Зевсом в облике быка финикийской царевны Европы) и связываемую с ним талассократию как нечто не более историческое и не менее мифическое, нежели Минотавр (потомство жены Миноса Пасифаи и быка – периодически повторяющийся мотив быка).

В лучшем случае мы можем говорить об «истории-мифе», когда речь идет о позднем бронзовом веке на Крите, – то же касается и остальной Греции (несмотря на кажущуюся историчность гомеровских поэм, как мы увидим это в следующей главе). История-миф, дополняемый или корректируемый «немыми», но, как правило, объективными данными археологии, – это все, чем мы располагаем, чтобы воссоздать по крайней мере семь столетий или около того (ок. 1500– 800 гг. до н.э.) засвидетельствованной в источниках активности греков. И первое, что мы наблюдаем, – это различия, конкретно – между предысторическим греческим и негреческим дворцом и историческим греческим полисом подобны непреодолимой пропасти, как в материальном и идеологическом отношении, так и в более узком смысле, в области политической культуры.

Критский дворец эпохи поздней бронзы (кносский занимал площадь примерно в 750 квадратных метров) функционировал как политический и церемониальный центр, являясь символом власти, которую осуществлял своего рода властитель или верховный вождь, «большой человек» (вероятнее, именно он, нежели царица), который – по крайней мере при правлении греков – мог называться анаксом (*anax*), или владыкой. Однако были и другие видные и влиятельные люди, жившие поблизости в так называемых особняках, построенных из отлично обработанного и плотно пригнанного тесаного камня, как и сам дворец. В экономическом отношении кносский дворец выполнял роль центра распределения и хранения, способный, по последним оценкам, обеспечивать 14–18 тысяч человек (эти цифры представляются куда более правдоподобными, нежели 80–100 тысяч, как то казалось Эвансу). Эта по сути своей аграрная система (благодаря климату, который за прошедшие три тысячелетия мало изменился) в основном производила три пищевых продукта: зерно (преимущественно ячмень, поскольку он весьма засухоустойчив, а также разные сорта пшеницы и некоторые менее значимые культуры, такие, как просо), вино (критские почва и климат еще и теперь знамениты тем, что очень подходят для виноградарства) и масло, то есть оливковое (дитто). С учетом вместимости сосудов в западном крыле дворца выходит, что для их наполнения требовалось как минимум 32 000 оливковых деревьев, растущих на территории площадью в 320 гектаров. Но три этих продукта существенно дополнялись кориандром, шафраном и – по крайней мере если исходить из данных «линейного письма Б» – хорошо развитым овцеводством для получения шерсти. И производство внутри страны сочеталось с мощной сетью торговых связей, простиравшихся на юг до Египта, Кикладских островов и Пелопоннеского полуострова на севере и до Леванта, опосредованной сложной системой весов и поддерживаемой особым искусством критских ремесленников. Нигде не проявилось оно столь ярко, как в изготовлении крохотных печатей, обработке полудрагоценных камней и золотых колец, где были выгравированы сцены из повседневной жизни и религиозных ритуалов.